

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Кристоффер Карлссон

Невидимка из Салема

Москва
2016

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

K23

Christoffer Carlsson

DEN OSYNLIGE MANNEN FRAN SALEM

Copyright © by Christoffer Carlsson, 2013. By agreement
with Pontas Literary & Film Agency

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

Карлссон, Кристоффер.

K23 Невидимка из Салема / Кристоффер Карлссон ; [пер. с швед. Е. В. Шалашовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (DETECTED. Тайна, покорившая мир).

ISBN 978-5-699-90625-3

Обычной летней ночью в Стокгольме, в одном из номеров дешевого многоквартирного дома, нашли тело застреленной девушки. Проблесковые огни полицейских машин разбудили бывшего офицера органов правопорядка Лео Юнкера, живущего тремя этажами выше. Скорее по привычке он спустился на место преступления — и разглядел в руке убитой дешевый кулон на цепочке. К ужасу Юнкера, он сразу узнал его. Украшение в мертвой руке явилось зловещим приветом из его далекой юности. Этот кулон принадлежал давно погибшей девушке, которую Лео когда-то любил — и в смерти которой был косвенно повинен. Вмиг прошлое, которое он так стремился забыть, вновь ожило. Кто-то настойчиво требует от Юнкера заплатить по старому счету. И бывшему полицейскому остается одно: найти преступника раньше, чем тот сделает следующий ход...

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

© Шалашова Е.В., перевод
на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90625-3

*Посвящается
Карлу, Мартину и Тобиасу*

Странная любовь,
Странные взлеты и падения...
Такова моя любовь.

Depeche Mode

*Я около твоей двери, как и много раз до этого.
Но за этой дверью тебя нет. И не было уже давно.
Мне это известно, ведь я слежу за тобой. Здесь
только я. На самом деле меня здесь тоже нет. Ты
не знаешь, кто я. Теперь никто не знает, кто я.
Нет никого, кто меня знает.*

*Ты чувствуешь подвох — что-то надвигается.
Ты помнишь то время, о котором здесь написано,
но хочешь избавиться от воспоминаний. Верно?
Я знаю это, потому что я — такой же. В те ред-
кие минуты, когда прошлое напоминает о себе,
ты все помнишь. Тебе все знакомо, нет лишь уве-
ренности в том, что это было на самом деле, ведь
время все покрывает дымкой.*

*Я пишу эти строки, чтобы сказать: все, о чем
ты думаешь, — правда, но не та правда, которая
известна тебе. Я пишу, чтобы рассказать все.*

I

«ШВЕЦИЯ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ». Эти слова написаны на стене туннеля черными, крупными прописными буквами. Из магазина неподалеку слышится музыка, кто-то поет *«Не заставляй меня все начинать с тобой сначала»*, снаружи туннеля светит белое и теплое солнце, но здесь, внутри, прохладно и тихо. Мимо пробегает женщина в наушниках. Ее волосы собраны в хвост. Я провожаю ее взглядом, пока она не исчезает из виду.

Откуда-то появляется ребенок, который бежит и размахивает воздушным шариком. Он порывисто дергается на веревочке, следуя за хозяином, пока не натывается на что-то острое на крыше туннеля — и не лопается. Мальчик пугается и плачет, возможно, от резкого звука. Он оглядывается, есть ли кто-нибудь рядом, но вокруг никого.

Я в Салеме¹ — первый раз за долгое время. На

¹ Имеется в виду Салем — пригород Стокгольма, имеющий репутацию неблагополучного и криминогенного, прибежища экстремизма и неонацизма.

улице конец лета. Я встаю со скамейки в туннеле и прохожу мимо ребенка, из сумерек навстречу яркому солнечному свету.

II

Я просыпаюсь в сумерках и понимаю: что-то случилось. В глаза бьет свет. На другой стороне улицы стена дома светится ярко-голубым мерцающим светом. Я встаю с кровати и иду на кухню, выпиваю стакан воды и кладу на язык таблетку «Собрила»¹. Мне снились Виктор и Сэм.

С пустым стаканом в руке подхожу к балкону и открываю дверь. Вздрагиваю, хоть ветер теплый и влажный, и смотрю на ждущий внизу мир. Машина «Скорой помощи» и два полицейских автомобиля стоят полукругом рядом с подъездом. Кто-то разматывает бело-синюю оградительную ленту между двумя фонарными столбами. Я слышу глухие голоса, звуки рации, вижу мерцание полицейской мигалки. Но за всем этим — шум миллиона человек, звуки большого города, решившего немного отдохнуть.

Я возвращаюсь в комнату, надеваю джинсы, застегиваю рубашку и рукой приглаживаю воло-

¹ Лекарство, более известное в России как «Оксазепам» и имеющее седативное действие.

сы. На лестничной площадке слышен звук вентилятора откуда-то из-за стены, отдаленное шуршание одежды, бормочущий тихий голос. Кто-то нажимает на кнопку вызова старого лифта, и он приходит в движение, механически скрипя и заставляя дрожать всю шахту лифта.

«Кто-нибудь может выключить этот проклятый лифт?» — кричит кто-то.

Лифт скрывает звук моих шагов, когда я спускаюсь по винтовой лестнице, обвивающейся вокруг шахты. Я останавливаюсь на втором этаже и слушаю. Подо мной, на первом этаже, что-то произошло. Снова.

Несколько лет назад некоммерческое общество купило большую квартиру на деньги человека, у которого их было больше, чем ему самому требовалось. Общество переделало квартиру под приют для неудачников и бродяг и окрестило его «Чапмансгорден». Как минимум раз в неделю их посещали усталые бюрократы из социальной службы и полиция. Приютом руководит бывшая работница социальной службы Матильда или Мартина, точно не помню. Несмотря на ее преклонный возраст, ее уважают сильнее, чем большинство полицейских.

Я перегибаюсь через перила и вижу, что тяжелая деревянная дверь в приют открыта. Внутри горит свет. Раздраженные мужские голоса сти-

хают, когда в разговор вступает женщина. Лифт спускается мимо, и я, скрытый его корпусом, спускаюсь на первый этаж. Увидев незнакомого человека, двое стоящих внизу полицейских застывают на месте. Они намного младше меня. Лифт останавливается, и внезапно становится очень тихо.

— Аккуратней! Смотри, куда идешь, — говорит женщина.

— Размотай ленту, — отвечает мужчина и протягивает бело-синий рулон заградительной ленты. Женщина оборачивается к нему.

— Разберись с нею сам, а я позабочусь о нем.

Она сняла свою кепку и держит ее в руке, волосы собраны в конский хвост, что зрительно удлиняет лицо. У мужчины квадратный подбородок и добрые глаза. Мне кажется, что они оба очень волнуются, потому что все время смотрят на часы. На их форме видны только короны в золоте, никаких полос. Ассистенты.

Он идет к лестнице с рулеткой в руке. Я пытаюсь улыбнуться.

— Дело в том, что здесь было совершено преступление, — говорит она. — Я хотела бы, чтобы вы не покидали дом.

— Я не собираюсь уходить.

— Что вы, в таком случае, делаете внизу?

Я смотрю в большое окно подъезда, через которое виден дом на другой стороне улицы. Он все еще синий от падающего на него света.

— Меня разбудил...

— Вы проснулись из-за синего света?

Я киваю в ответ, не совсем понимая, что она имеет в виду. Она выглядит удивленной. Я чувствую исходящий от нее едкий запах и только сейчас замечаю ее бледность и покрасневшие глаза. Ее совсем недавно стошнило.

Она почти незаметно наклоняет голову и сдвигает брови.

— Мы встречались раньше?

— Не думаю.

— Вы уверены?

— Я полицейский, но... Нет, не думаю, что мы встречались раньше.

Она долго смотрит на меня, прежде чем достать блокнот из нагрудного кармана, перелистывает до какой-то страницы, щелкает ручкой и что-то записывает. За моей спиной ее коллега шуршит заградительной лентой так неприятно, что это начинает раздражать. Мое внимание приковано к двери позади женщины. Никаких признаков взлома.

— У меня не было сведений, что здесь проживает сотрудник полиции. Как вас зовут?

— Лео, — отвечаю я. — Лео Юнкер. Что здесь произошло?

— В каком отделе вы работаете, Лео? — продолжает она тоном, явно указывающим, что она совершенно не верит моим словам.

— ВР.

— ВР?

— Внутренние расследо...

— Я знаю, что значат эти буквы. Можно взглянуть на ваше удостоверение?

— Оно у меня в куртке, в квартире, — отвечаю я и вижу, что она переглядывается через мое плечо со своим коллегой. — Вы знаете, кто она? — пробую я. — Жертва.

— Да... — произносит женщина. — То есть, вам известно, что тут произошло?

Я не столь наблюдателен, но мужчины посещают эту ночлежку довольно редко. Есть другие места, куда они могут пойти. Для женщин же, наоборот, выбор подобных заведений не столь велик, потому что большинство таких мест отказывает тем, кто злоупотребляет наркотиками или алкоголем или же занимается проституцией. Женщинам полагается либо первое, либо второе, но не все сразу. Но загвоздка именно в том, что у большинства — обе проблемы. «Чапмансгорден» является исключением, поэтому сюда приходит много женщин. Чтобы войти, нужно соблюдать

только один закон — никакого оружия. Подобные правила людям по вкусу.

Очень вероятно, что это женщина, и, судя по всему, она мертва.

— Можно мне?.. — говорю я и делаю шаг к ней.

— Мы ждем экспертов, — произносит ее коллега за моей спиной.

— А Мартина там?

— Кто? — переспрашивает женщина удивленно и смотрит в блокнот.

— Управляющая, — отвечаю я. — Мы — друзья.

На ее лице появляется скепсис.

— Вы имеете в виду Матильду?

— Да. Точно.

Я снимаю ботинки, беру их в руки и прохожу мимо женщины-полицейского ко входу.

— Эй! — Она резко хватается меня за руку. — Вы останетесь здесь.

— Я просто хочу посмотреть, как там моя подруга.

— Вы даже не знаете, как ее зовут.

— Я знаю, как вести себя на месте преступления. Просто хочу убедиться, что с Матильдой все хорошо.

— Это ничего не значит. Я вас все равно не пропущу.

— Две минуты.

Женщина-полицейский долго смотрит на меня, потом отпускает мою руку и снова бросает взгляд на часы. Кто-то громко стучит в дверь внизу, сильно, настойчиво. Она оглядывается в поисках коллеги, который был на лестнице, но сейчас не виден.

— Подождите здесь, — говорит она. Я улыбаюсь и киваю в ответ, пытаюсь, чтобы это выглядело искренне.

Внутри тихо, как на кладбище. Потолок нависает над головой, паркет на полу разбит во многих местах. Весь приют — это большая прихожая, столовая с кухней, туалет, душ, кабинет и, как мне кажется, спальная комната в самом конце квартиры. Пахнет как в стариковском гардеробе. У двери, на полу, стоит корзина с приклеенным листком бумаги, на котором от руки написано «ТЕПЛАЯ ОДЕЖДА». Из-под вязаного свитера я вытаскиваю пару перчаток.

Справа от большой прихожей находится красивая, чистая кухня с квадратным деревянным столом и парой резных стульев. За столом, напротив мужчины в полицейской форме, сидит Матильда, напоминая старую птицу с заостренным профилем и кудрявыми седыми волосами. Она отвечает на вопросы тихим, спокойным голосом. Они поднимают головы, когда я подхожу к ним и киваю Матильде.

— Вы из отдела по борьбе с насильственными преступлениями? — спрашивает мужчина.

— Конечно.

Полицейский с подозрением смотрит на перчатки у меня в руке, а я смотрю на пол, на котором виден четкий отпечаток обуви. Это след не от ботинка, а скорее от какой-то спортивной обуви. Я приставляю свой ботинок к отпечатку и вижу, что у меня такой же размер обуви, как и у того, кто недавно здесь был.

— Где другие женщины?

— Здесь была только она, — говорит Матильда.

— Вы знаете, кто она?

— Она заходила сюда несколько раз летом. Мне кажется, ее зовут Ребекка.

— С двумя «к»?

— Не знаю точно, но думаю, что да.

— А ее фамилия?

Матильда отрицательно качает головой.

— Сказано же вам, что я даже не знаю точно, как пишется ее имя.

Из прихожей, мимо кухни, я попадаю в спальную комнату. Стены бледные, увешанные картинами. Через широко открытое окно внутрь пробралась холодная августовская ночь. Вдоль стен расставлены восемь кроватей. Все покрывала разные: некоторые с цветами, как обои в